

- Что?

Ши Чэн не мог поверить тому, что только что услышал. Этого не могло быть. Просто... не могло.

Янь Лун посмотрел на него почти с сочувствием.

- Учитель велел позвать тебя. Он сам обо всем расскажет.

Горло Ши Чэна сдавило. Только вчера он видел своего учителя, а теперь ему говорят, что он... Это было безумием. Но почему-то он знал, что это правда.

- Старая рана, - покачал головой старейшина Хуай. - Его нашли утром. Целители предупреждали, что такое возможно, что смерть может прийти в любой момент.

В покоях главы ордена было светло и тихо. Заклинатель сидел за тяжелым низким столом, на котором дымились благовония; он только что отложил кисть, аккуратно положив ее на тушечницу. Все было таким... обыденным. Рутинным. Так не должно было быть, когда Ши Чэн чувствовал, что весь его мир рушится.

Глава ордена Шэн Ху напоминал призрака в своих черно-белых одеждах: глаза старика на молодом лице смотрелись почти неестественно, под ними залегли глубокие тени. Но это не было признаком печали - скорее, усталости.

Никого по-настоящему не тронула смерть учителя. Он умер, и все, что он хотел сделать, умерло вместе с ним. Ши Чэн ощутил нарастающий ужас от этой мысли.

- Нет! - воскликнул адепт, почти перебивая главу. В это мгновение он даже не вспомнил о правилах приличия, - Вы не понимаете! Дело вовсе не в ране и не в том, что учитель был болен.

Он осекся, понимая, что ведет себя недостойно, что заслуживает наказания за свои слова, но старейшина не выглядел рассерженным. Казалось, ничто не может смутить его или удивить. Заклинатель лишь понимающе посмотрел на него и произнес:

- Я знаю, о чем ты думаешь. Подозрения мастера Лэн на счет темных заклинателей, так?

Ши Чэн пораженно замолк.

- Но за все годы, что он говорил мне об этом, я не сумел найти никаких подтверждений догадкам твоего учителя. Никто не сомневается в его проницательности, однако смерть товарищей сильно на него повлияла.

- Это не так, - запротестовал Ши Чэн, - Прошу вас, вы должны поверить! Ведь если учитель был прав, в опасности могут оказаться другие заклинатели.

- Кого конкретно ты подозреваешь, мальчик?

Это был его шанс. Ши Чэн низко опустил голову, пытаясь совладать с обуревавшими его чувствами. Он знал, что, если глава поверит ему, обоим темных заклинателей ждет смерть. Но теперь все было иначе. Ши Чэн дал им шанс.

- Инцзы Яна, - выдавил он через силу, - Я знаю, что это он.

Глава ордена поднял бровь.

- Но я разговаривал с ним вчера вечером, а по словам целителей смерть мастера Лэн наступила примерно в это время. Это никак не мог быть он. Не говоря уже о том, что охранные печати выдали бы применение темной ци.

Место старейшины располагалось на возвышении, и Ши Чэн смотрел на него снизу-вверх, остро ощущая свою потерянность и беспомощность. Наконец, глава ордена тяжело встал и приблизился к нему, чтобы положить руку мальчику на плечо.

- Я знаю, ты расстроен. Но нельзя бросаться такими обвинениями без твердых доказательств. Твой учитель был тяжело ранен, и чудо, что он вообще смог прожить так долго. В этом некого винить.

Когда глава отошел, Ши Чэн даже не пошевелился. На его лице был написан ужас. Если это был не Инцзы Ян...

«Твой учитель не участвовал в уничтожении темных орденов?» - вспомнился ему невинный вопрос Е Юня. «Почему?» «Он принял бы участие, - возразил тогда Ши Чэн, готовый противостоять всем намекам на трусость наставника - Но он был тяжело ранен. Он сражался с демоном!»

Это не имело смысла. Е Юнь не мог использовать против него его же слова. И все же он это сделал, потому что точно знал, куда и как ударить.

- Ты хочешь сказать что-нибудь еще? - спросил старейшина, наблюдая за мальчиком.

- Нет... Ничего.

Он не мог спорить. Что бы Ши Чэн ни сказал сейчас, открой он даже все, что ему известно, ему не поверят. Потому что он всего лишь расстроенный ребенок, подверженный паранойе своего

учителя. Он солгал уже один раз, и, если он об этом скажет, кто воспримет его всерьез? Без Лэн Иньчжэня он был никем.

Учитель говорил ему, а Ши Чэн не захотел поверить. Он защищал Е Юня. Он его предупреждал. И именно он, в конечном итоге, позволил всему случиться. Вот результат его милосердия. Ши Чэн встал на сторону темного заклинателя, считая, что он не заслуживает своей участи, и вот, чем это закончилось.

Глупо и самонадеянно было думать, будто он прав, а все остальные заклинатели ошибаются. Трактаты не лгали. Ши Чэн обманулся в своей доверии и дорого за это заплатил.

«Улыбайся, как я, и никто ничего не заподозрит», - сказал Инцзы Ян, и это было правдой.

Смерть заклинателя едва поколебала привычное течение жизни ордена. Все уже знали, что мастер Лэн погиб от последствий старого ранения, и не было никакого смысла задерживать уважаемых гостей или погружать их во внутренние дела Шэн Ху. Только церемонию прощания пришлось сократить, чтобы позаботиться о погребении, но все равно отъезд гостей и заверения в вечной дружбе отняли немало времени.

Е Юнь чувствовал себя словно в тумане. Рука почти не болела из-за лекарства, которое дал ему учитель, и он даже мог ею двигать, но все равно чувство было странное. Конечно, перелом можно списать на тренировку, но не стоило привлекать к себе внимания. Так что сторонний наблюдатель, не вздумай он присматриваться, не заметил бы плотной перевязки вокруг руки и несколько неловких движений мальчика.

Он ненавидел себя за то, что сделал и за то, что чувствовал от этого успокоение. Месяц, похожий на ужасный кошмар, наконец-то закончился – Е Юнь вернется в Шэ Шань и навсегда забудет о том, что здесь произошло. Ученик облегченно выдохнул, глядя на открытые ворота, у которых собирались заклинатели. Е Юнь до последнего не верил, что этот момент настанет. Казалось, стоит обернуться, и он навсегда останется в Шэн Ху, за этими страшными, тяжелыми дверями, навсегда запертый в ловушке.

Е Юнь уже было решил, что все позади, когда прямо перед ним возник Ши Чэн.

Ему непременно нужно было присутствовать, иначе Ши Чэн бы забился в угол как раненый зверь и пролежал там, пока не станет лучше.

Но как новый ученик главы Шэн Ху он обязан участвовать в церемонии, и неважно, насколько плохо ему было. Время от времени к Ши Чэну подходили ученики из разных орденов, и он

принимал формальные слова прощания, почти не слыша их. За часы, проведенные здесь, к нему, кажется, подошли адепты всех орденов. Всех, кроме одного.

Ши Чэн стоял у дверей, готовясь провожать гостей. Когда он обернулся в очередной раз, чтобы вежливо попрощаться, перед глазами у него словно расплылся красный туман. В один миг самообладание оставило его. Его учитель был мертв, а Е Юнь стоит здесь, как ни в чем ни бывало; он избежит наказания и с этим ничего нельзя сделать.

- Надеюсь, ты никогда больше не оскорбишь этого места своим присутствием.

Эти слова были произнесены так резко и зло, что высокопоставленные заклинатели, стоявшие ближе всех, услышали это и обернулись в изумлении.

Е Юнь едва слышно проговорил:

- Прости меня.

Ши Чэн смерил его холодным взглядом.

- Нет. Никогда.

~

Наступил последний день, который он мог провести в Шэ Шань. Е Юнь должен взять себя в руки и принять ответственность, что бы его ни ждало впереди. И все же... Это было так трудно.

- Шисюн!

Инь Май уже стоял у двери, собранный и готовый двинуться в путь. Цза Цзина видно не было, но и он не заставит себя ждать. Инь Лимин вновь отправляла с ним своих адептов, и на сей раз заклинатель не протестовал: он просто не представлял, как смог бы пережить это путешествие с Ши Чэном наедине. Конечно, пока он с ним в безопасности. Но, небеса, это было бы невыносимо.

- Ты готов? Скоро отправляемся?

- Да.

Утро только вступило в свои права, и тусклый холодный свет едва проникал в зал через прикрытые ставни. В храме стояла тишина: даже ученики еще не поднялись. Ши Чэна видно не было, и в его ожидании Е Юнь опустил на ступени.

Каково это будет – снова разговаривать с ним, как ни в чем ни бывало, как будто они не знают преступления, которое Е Юнь совершил? Темный заклинатель привык притворяться кем-то другим, но даже ему не под силу изобразить такое равнодушие. Вина давила на него все эти годы, а при виде Ши Чэна вспыхнула с новой силой.

Светлый заклинатель пытался его защитить. Он помог ему, пренебрегая всем, чему его учили, а Е Юнь этим воспользовался – он знал, что ужасно с ним обошелся, и ничто не могло этого исправить. Было бы легче, если бы он испытывал к Ши Чэну неприязнь, но у Е Юня не было причин его ненавидеть. А вот у Ши Чэна были, и Е Юнь знал, что целиком этого заслуживал.

Мошуй вспрыгнула к нему на колени, и ее мурчание немного успокоило темного заклинателя. В последнее время он особенно остро чувствовал оторванность от людей, а близость другого живого существа служила утешением. Ухо кошки дернулось, когда на входе в зал тяжелые створки двери отворились. Е Юнь со вздохом поднялся – теперь он поглаживал Мошуй так нервозно, что шерсть у нее на спине встала дыбом.

Ши Чэн и двое его шиди уже о чем-то негромко переговаривались. Инь Лимин выразительно выгнула бровь, смерив Е Юня взглядом, и он нехотя опустил кошку на пол, чтобы поклониться. Им предстояли многие дни пути, так что лучше поддерживать нейтральную вежливость, насколько это возможно.

- Как зовется твой меч? – донесся до него вопрос Цза Цзина, который, кажется, никогда не чувствовал неловкости в общении и уже пытался получше узнать их нового спутника.

- Чжицзе.

Чжицзе (卮/zhí zé) – долг

Воспитание в хорошей семье и собственная натура Ши Чэна привели к тому, что он верил в людей, в их доброту и справедливость. От этой веры мало что осталось. Но, несмотря на явную неприязнь к Е Юню, он не показывал неуважения открыто, просто держался от него подальше.

- Удачи, – обратилась к ним напоследок Инь Лимин, но в особенности – к Е Юню.

Удача ему понадобится.

<http://tl.rulate.ru/book/46940/1522056>